

Мэн-по с пиалой в руках подошла к Сюй Байли.

Толпившиеся на мосту души, вконец измученные его расспросами, шарахались от покойника как от чумы. Вокруг юноши образовалась настоящая пустота.

— Держи, милоч, — старуха протянула ему чашу.

Сюй Байли принял отвар и уже поднёс его к губам. Мэн-по и Хуа Тянь, затаив дыхание, уставились на него, ожидая заветного глотка. Но в самый последний миг юноша замер.

— Что же ты, молодой господин? Не пьёшь? — занервничала Мэн-по.

Сюй Байли подозрительно оглядел мутную жижу, а затем перевёл взгляд на старуху. Под его пристальным взглядом та смутилась и воровато зыркнула в сторону Хуа Тяня. Но этот оболтус как ни в чём не бывало увлечённо болтал с проплывавшими мимо призраками, даже не глядя в их сторону.

«Ну и паршивец!»

Мэн-по мысленно выругала нерадивого владыку.

— Бабушка, — Сюй Байли шумно сглотнул, не отводя взгляда от чаши. — Я ведь кошель дома позабыл, а пить хочется — сил нет. Позволь сделать глоток, а монеты я позже занесу, честное слово.

Старуха облегчённо выдохнула — тревога оказалась ложной.

— Пей, пей, глупый. За отвар Мэн-по денег не берут!

Договорив, она испуганно зажала рот ладонью, коря себя за излишнюю болтливость. Лишь бы покойник не расслышал её имени.

Но Сюй Байли, томимый жаждой, пропустил её слова мимо ушей и жадно, большими глотками осушил чашу.

Хуа Тянь, который краем глаза бдительно следил за происходящим, тут же вальяжно подошёл ближе.

Осушив посуду, Сюй Байли медленно прикрыл глаза и замер, словно погрузившись в глубокий сон.

— Бабушка, что с ним? — шёпотом спросил Хуа Тянь.

Мэн-по одарила его тяжёлым взглядом и недовольно буркнула:

— Очнётся скоро. Не зуди под ухом.

Хуа Тянь принялся шутливо ластиться к старухе, осыпая её глупыми комплиментами, пока та наконец не сдалась и добродушно рассмеялась:

— Сколько веков я служу в Подземном царстве, а такого чудного Янь-вана вижу впервые.

— Это мне несказанно повезло, — тут же подмазался этот неисправимый подлиза. — В первый же день на посту встретить такую благодетельницу! Не иначе как в прошлой жизни я совершил тысячу добрых дел.

Спустя мгновение Сюй Байли открыл глаза. Его взгляд, прежде ясный, теперь блуждал в абсолютном смятении. Отныне он был чист, точно новорождённое дитя — прежняя жизнь стёрлась без следа, уступив место новому посмертию.

— Кто вы? — растерянno пробормотал он. — И... кто я? Где мы вообще?

Он судорожно ухватился за рукав Хуа Тяня, засыпая его расспросами. Тот так и расплылся в улыбке — у него уже давно была наготове складная история.

— Слушай и запоминай, — напустив на себя важности, произнёс Хуа Тянь, примеряя на юношу новую роль, неразрывно связанную с ним самим и Дифу. — Я — Хуа Тянь. Она — бабушка Мэн. Тебя зовут Сюй Байли. Это место — мои личные владения, а ты — мой верный подручный. Отныне ты во всём подчиняешься мне.

Сюй Байли робко огляделся по сторонам и, поколебавшись, тихо выдавил:

— Брат...

Хуа Тянь от такого обращения едва не запрыгал от восторга и поспешно закивал.

Мэн-по лишь покачала головой, недовольная его лукавством. Понимая, что этот бесхитростный новоиспечённый дух пропадет под началом такого проходимца, она ласково обратилась к юноше:

— У меня на Мосту Вздохов всегда хлопот невпроворот. Оставайся-ка ты здесь, милоч. Будешь помогать мне вести реестр усопших.

Сюй Байли испуганно покосился на Хуа Тяня, не смея перечить новому покровителю.

— Ладно, оставайся, — великодушно разрешил тот и, взмахнув широкими рукавами халата, неспешно удалился.

Осознав наконец всю тяжесть своего положения, Хуа Тянь твёрдо решил во что бы то ни стало разобраться в хитросплетениях подземных законов и стать достойным правителем. Первым делом он намертво вцепился в Чжун Ли, донимая его бесконечными вопросами, пока тот, взмолившись о пощаде, попросту не сбежал от настырного господина.

От Сяо Цзяньцзяня толку тоже оказалось мало — малец сам прибыл в Подземное царство недавно и почти ничего не знал.

А Лань Цзыцзюнь на расспросы лишь процедил сквозь зубы:

— Павильон книжных сокровищ к твоим услугам. Ступай и читай сам.

Так Хуа Тянь, отродясь не любивший книги, впервые в жизни засел за древние фолианты. В Павильоне книжных сокровищ он проводил дни напролёт.

В один из таких вечеров, когда он уже засыпал на ходу, силясь удержать веки деревянной подпоркой, из-за массивного книжного шкафа наконец показался Чжун Ли. Не выдержав унылого зрелища, он вздохнул:

— Господин, если вас клонит в сон, так ложитесь спать. К чему эти мучения?

Хуа Тянь с трудом приподнял отяжелевшую голову и вперил в него сонный, налитый кровью взгляд.

— Ах ты прохвост, — прохрипел он с укором. — Так вот ты где прятался!

— Побойтесь неба, господин, — Чжун Ли примирительно поднял толстенную книгу. — Я лишь изучаю древние трактаты, дабы расширить кругозор. И в мыслях не было от вас бегать.

Взглянув на кирпич у него в руках — толщиной едва ли не в локоть, — Хуа Тянь почувствовал, как у него разболелась голова.

— Не думал, что ты у нас такой любитель науки, — поморщился он.

Прежде Янь-ван считал Чжун Ли неотёсанным воякой, едва умеющим разбирать знаки, а тот, как выяснилось, обладал недюжинными познаниями.

— В былые времена я и сам книг не жаловал, — доверительно поведал Чжун Ли. — Но однажды мне в руки случайно попал один свиток, и с тех пор моя жизнь переменилась. Много из того, что прежде казалось непонятным и запутанным, обрело смысл. Душа обрела покой, а разум — былую ясность.

— И зачем тогда ты отнимаешь у меня тягу к знаниям? — проворчал Хуа Тянь. Сонливость как рукой сняло; он упрямо пододвинул к себе очередной том.

— Ну ладно, ладно, не буду мешать, — Чжун Ли ухмыльнулся и услужливо водрузил перед ним ещё целую стопку тяжелых фолиантов.

Впрочем, усердия Хуа Тяня хватило ненадолго. Вскоре он заёрзал на месте, раздражённо захлопнув книгу. И виной тому была вовсе не скука, а Чжун Ли, который уже добрых полчаса стоял над душой и молча пялился на него.

— Если тебе делать нечего, проваливай, — не выдержал Хуа Тянь. Чтение и без того утомляло, а этот немигающий взгляд и вовсе сводил с ума.

— Вообще-то у меня есть дело, — невозмутимо отозвался Чжун Ли. Будь он свободен, вряд ли стал бы тратить время на созерцание чужих мучений.

— Тогда выкладывай быстрее. И не дай бог это окажется какой-то ерундой — лично спущу тебя с лестницы.

Хуа Тянь был уверен, что дело выеденного яйца не стоит, иначе Чжун Ли не выжидал бы так долго. Он уже мысленно прикидывал, за какой бок поудобнее ухватить наглеца, чтобы вышвырнуть вон.

— Сегодня у Цзянь Цзяня день рождения, — выдал наконец Чжун Ли, недоумённо почёсывая затылок. — Вот я и подумал: может, устроишь для него пир?

— И ты молчал?! — вскипел Хуа Тянь. — Мы же кучу времени потеряли!

— Так я ведь боялся спугнуть твою тягу к знани... — не успел договорить Чжун Ли, как Хуа Тянь швырнул книгу на стол и умчался прочь, только его и видели.

Чжун Ли лишь горько вздохнул. До чего же несправедливое отношение!

Воспользовавшись тем, что Цзянь Цзянь ушёл на очередную ловлю заблудших душ, Хуа Тянь тут же развил бурную деятельность. Под его чутким руководством призрачные слуги засуетились: стены украсили яркими гирляндами, столы ломились от изысканных яств. Даже нелюдимого Лань Цзыцзюня удалось вытащить из его угла. В главном зале воцарилось весёлое, шумное оживление.

— Ну вот, всё готово. Ждём виновника торжества, — Чжун Ли с гордостью оглядел творение своих рук.

— Времени было в обрез, толком ничего не продумали, — со вздохом заметил Хуа Тянь. Праздничное убранство его, откровенно говоря, не впечатлило: всё кругом так и пестрело алыми фонарями и шёлковыми лентами. Слово они к свадьбе готовились, а не к скромным именинам.

Впрочем, Чжун Ли ничуть не обиделся на ворчание хозяина, продолжая сиять от удовольствия.

Когда Цзянь Цзянь вернулся в усадьбу, его встретила зловещая тишина. У ворот не оказалось ни одного стражника. Пройдя сквозь массивные двери, он побрёл по совершенно пустым, безмолвным коридорам. Всё Подземное царство словно вымерло.

Сердце мальчишки ушло в пятки. Сжав кулаками полы своих одежд, он замер, готовый в любую секунду отразить нападение, и на цыпочках двинулся к главному залу.

— А вот и наш именинник! — внезапно рявкнул из-за двери Чжун Ли.

На его лице красовалась жуткая маска свирепого синелицевого демона. Цзянь Цзянь от неожиданности вскрикнул и шлёпнулся прямо на пол.

— Не трогайте меня! Пощадите! — взмолился он, в ужасе зажмурившись и закрывая лицо руками.

— Глупый Сяо Цзяньцзянь, ну-ка взгляни на меня, — Чжун Ли со смехом стянул маску.

Услышав знакомый голос, мальчик робко приоткрыл один глаз.

— Брат Чжун Ли... Ну и напугал же ты меня!

— Держи, это мой подарок, — Чжун Ли протянул ему маску.

Цзянь Цзянь с любопытством завертел её в руках, и его личико озарила улыбка:

— Ой, это же Хэйвучан! Тот самый, из мира смертных.

— Он самый, — закивал Чжун Ли. — Люди очень почитают Чёрное непостоянство за его умение ловить злых духов. Каждую новогоднюю ночь торговцы продают такие маски, чтобы отваживать нечисть от домов.

— Правда?! — воскликнул Цзянь Цзянь, прижимая подарок к груди.

Прежде он всегда считал себя жалким, презираемым существом, стоящим на самой низшей ступени подземного мира, а тут...

— Самая настоящая правда, — улыбнулся Хуа Тянь, бережно помогая мальчику подняться на ноги.

И только тогда Цзянь Цзянь наконец огляделся по сторонам и замер от изумления.

<http://bllate.org/book/18412/1796502>